

ности королевских чиновников. Поэтому естественным представляется наличие в них еще одного общего положения, касающегося королевской администрации как главного орудия притязаний центральной власти. Оппозиционеры единодушны в требованиях наказания чиновников, совершивших беззаконие, и гарантий соблюдения хартий⁴⁸.

Последним общим для всех оппозиционеров моментом является требование особых феодальных привилегий или провинциальных вольностей. Это притязания баронов Шампани, Бургундии и Пикардии на право частных войн и судебной дуэли, столь явно противоречащие общественным интересам, герцога Бретани на право охраны церквей, баронов Бургундии — на суд и дознание любой, в том числе королевской фальшивой монеты и т. д.⁴⁹ Не связанные с какими-либо злоупотреблениями со стороны королевской власти, эти претензии феодалов носили открыто реакционный характер.

Оценивая хартии в целом, можно сказать, что Людовик X сделал значительные уступки, причем не просто устраняющие злоупотребления, но являющиеся действительным отступлением от ранее осуществлявшейся королевским домом политики. Однако король стремился ликвидировать конфликт с минимальными потерями, где возможно — не уступая и часто уклоняясь от ответа⁵⁰. Если учесть при этом, что королевская власть сумела очень скоро свести на нет вырванные у нее в хартиях обещания, то выход из ситуации 1314—1315 гг. являлся еще одним, после победы над папством, доказательством ее больших потенциальных возможностей. Это произошло в значительной степени благодаря той позиции, какую заняли в движении 1314—1315 гг. города. Таким образом, союз городов с королевской властью, не раз испытанный жизнью и проверенный недавними событиями борьбы с Римом, восторжествовал, позволив королевской власти выйти из затруднительного положения если не с честью, то во всяком случае без существенного ущерба.

Противоречия центральной власти с сословиями, столь отчетливо прослеживаемые во внутренней жизни страны конца XIII—начала XIV в., красноречиво свидетельствуют, на наш взгляд, об объективной необходимости и закономерности появления Генеральных штатов именно на данной ступени развития французского общества. Степень централизации страны, определяемая большей или меньшей самостоятельностью сословий при феодализме, ставила барьер королевской власти в ее стремлениях к высшему суверенитету. Беря на себя решение задач общегосударственного масштаба, связанных к тому же с нарушением привычных рамок феодальных взаимоотношений, королевская власть могла перешагнуть этот барьер не иначе, как испросив согласия сословий на ту или иную акцию, поскольку она не располага-

⁴⁸ «Ordonnances», v. 1, p. 560, BI, art. 13; p. 614—615, LII, art. 2, 6; p. 555, NI, art. 10; p. 591, NII, art. 15; p. 581—582, Ch II; p. 578, Ch II, art. 4; p. 570, 572, BII, art. 15, 26; p. 570—571, BII, art. 16; p. 566 P, art. 18; p. 565, P, art. 15.

⁴⁹ Ibid., p. 575, Ch I, art. 13; p. 578—579, Ch II, art. 8; p. 564, 567, P, art. 6, 25; p. 558—559, 621, BI, art. 1, 3, 6; p. 569, B II, art. 5.

⁵⁰ Именно этим можно объяснить появление вторых вариантов хартий, указывающих, что переговоры носили характер торга.